

Цезарем его звали недолго...

Памяти трагедии в киевском Бабыем Яре, происшедшей 80 лет назад

В 1937 г. в Киеве родился мальчик. Его отец Пётр Соломонович Кац назвал сына именем, первая буква которого совпадает с первой буквой имени матери – Ципа. Она умерла через несколько дней после родов – оторвался тромб. Для домашних мальчик был Цезиком, а полное своё имя Цезарь ему было суждено носить совсем недолго.

Пётр Соломонович работал заведующим небольшим кафе на Крещатике, а жили они неподалёку, в коммунальной квартире. В семье был ещё один сын – Павлик, на шесть лет старше Цезаря. Тяжело перенесла смерть жены, отец вскоре взял для них няню – неграмотную, но добрую женщину Надю Фомину, которую они очень полюбили. Она бежала в 30-х годах из села от голода и была очень благодарна за то, что её приютили в хорошей семье.

Цезик и Павлик играли во дворе, катались на велосипеде, лакомились мороженым, ходили с папой на демонстрации, по выходным отправлялись с ним на прогулки – что ещё нужно было для счастья?

Пётр участвовал в обороне Киева, и когда немцы уже подходили к городу, решил детей, тещу и Надю эвакуировать. Вернувшись ненадолго домой, посадил их в поезд. Вскоре на каком-то полустанке эшелон задержали – тогда в первую очередь отправляли оборудование киевских заводов.

Сидели они там неделю, продукты закончились, кушать было нечего, и бабушка отправила Надю в Киев за припасами.

Та поехала, почему-то взяв с собой Цезика. Когда они вернулись обратно, не застали ни бабушки, ни Павлика – эшелон с людьми ушёл. Спустя годы Цезарь узнал, что родные добрались до Москвы, где их приютил брат матери. Он вырастил Павлика как своего сына.

А Цезик с Надей вернулись домой. Бои шли уже на подступах к городу, в пригородах, и 19 сентября в Киев вошли немцы.

Пётр Кац попал в окружение, потом в плен, был отправлен в Дарницкий лагерь и чудом избежал расстрела – когда прозвучало роковое: „Евреи и коммунисты, шаг вперёд!“, приятель-украинец схватил его за рукав, шепнув: „Куди? Стій!“, и тем спас ему жизнь.

Пётр оказался в колонне, которую нацисты перегоняли по киевским улицам в другое место. По дороге фашисты расстреливали тех, кто передвигался с трудом, их трупы оставались лежать на дороге. Когда колонна оказалась неподалёку от его дома, он, услышав выстрел, притворился, что в него тоже попала пуля, и упал. Конвоир, по-видимому, не заметил его, иначе расстрелял бы на месте.

Колонна пошла дальше, а Кац поднялся, побежал домой ... и очень удивился, застав там няню и младшего сына.

Он еле держался на ногах от голода. Пока Надя собирала ему какую-то еду, в дверях показались дворничиха с двумя полицаями. Пётр выскочил через заднюю дверь. Видимо, он был схвачен на улице и убит – никто из родных его больше никогда не видел. Это было 28 сентября.

Дворничиха, войдя в роль представительницы новой власти, сказала Наде: „Жидёнка завтра в Бабий Яр веди!“ Утром женщина собрала нехитрый скарб и отправилась с ребёнком

на место, где было приказано собраться всем евреям. Народу на улице было много, и Цезик решил, что это праздничная демонстрация – он не раз ходил на них вместе с папой. Мальчик веселился, просил няню купить ему надувные шарики и шёл, балансируя на трамвайных рельсах.

По дороге они встретили знакомую молочницу, и она предупредила Надю: „Куда ты идёшь с еврейским ребёнком? Ты погибнешь вместе с ним. Приготовь свой паспорт”. Но Фомина не поверила – какая опасность могла угрожать четырёхлетнему малышу и женщине? Она была простой крестьянкой, но даже старые евреи, пережившие погромы и революцию, не могли себе представить, что их ждёт.

В колонне, которая шла от нынешней Площади Независимости в сторону улицы Лукьяновка, старики авторитетно заявляли: „Товарищи, не волнуйтесь! Мы помним немцев ещё по империалистической – они точно нас переселят в Палестину”. Другие спорили: „Какая Палестина? Нас переселяют, чтобы спасти здесь от погромов – так уже было в ту войну!”

Евреи не верили, что немцы причинят им зло – старики помнили, как в гражданскую войну те часто защищали их от погромщиков. Но это были уже совершенно другие немцы... Ведь до войны советская пресса не писала о том, что делали немцы с евреями в соседней Польше. А уже во время войны ни слова не было сообщено о Бердичеве, Виннице, Умани, где в сентябре уже были массовые расстрелы еврейского населения. Откуда людям было знать, что их ждёт?

Шли спокойно, целыми семьями – старики, молодые, малые дети...

Говорили, что переселяются в Палестину. Некоторые, правда, думали, что всё-таки ведут в какое-то гетто, но что идут на расстрел – никому в голову не приходило!

Цезик устал, капризничал, хныкал, и Надя посадила его на чью-то подводу с вещами – там лежали детские игрушки, какие-то куклы, которые его заинтересовали. Но когда он к ним потянулся, няня напомнила – трогать чужое без спроса нельзя, некрасиво.

Цезик сидел, рассматривал кукол... Через много лет он рассказал об этом эпизоде Илье Левитасу, основоположнику еврейского движения в Украине, и это воспоминание стало идеей памятника детям, погибшим в Бабьем Яру: Сломанные куклы. Сломанное детство...

Тревога появилась, когда они подошли к первому КПП. Там стояли два крытых грузовика и противотанковые „ёжи”, а между ними оставался небольшой проход. Эсэсовцы толкали туда евреев прикладами. Слышались крики, стоны, детский плач, люди забились, заматались. Но вдоль дороги стояло оцепление – эсэсовцы и полицаи, с приспущенных поводков рвали огромные овчарки. Потом они часто снились мальчику – большие страшные собаки, которых натравливали на беззащитных людей...

Одна из них вырвала из рук няни сумку с продуктами. Цезик разрыдался от испуга, и это их спасло – кто-то сердито толкнул рыдающего ребёнка, и Надя с Цезиком вдвоём упали на противотанковый „ёж”. Мальчик разбил голову, и шрам остался на всю жизнь. Люди шли через них, они мешали проходу. Кто-то поднял Надю за воротник и вытолкнул вместе с ребёнком в толпу, стоявшую вдоль дороги: „Нечего тебе там делать!” Возможно, увидел, что она не еврейка.

А людской поток двигался дальше. За этим КПП были установлены ещё три пункта: на одном отбирали документы, на другом – вещи и драгоценности, на третьем люди раздевались и шли на расстрел. Организовано всё было по-немецки чётко...

Женщина и ребёнок спрятались в подворотне и сидели там, не шелохнувшись, пока шум и крики на улице не смолкли. От пережитого испуга у Цезика отнялась речь. Теперь уже Надя поняла, что к чему, но, опасаясь дворничихи и соседей, решила не возвращаться домой.

Две недели они ходили по городу. Ночевали в развалинах, заходили к знакомым, просили еду. Кто-то давал хлеба, кто-то картошки. Однажды Наде сказали: „Что ты ходишь с еврейским ребёнком, его же убьют и тебя заодно”.

Долго так продолжаться не могло – кто-нибудь обязательно донёс бы на них властям. Фоминой посоветовали отвести Цезика в приют для бездомных детей на улице Предславинской – бывшую детскую больницу; возможно, там он сможет выжить. Надя написала в записке „Вася Фомин”, положила её ему в карман и оставила мальчика перед входом. А сама спряталась и наблюдала – возьмут, не возьмут?

Его увидел дворник больницы и повёл к главврачу Нине Никитичне Гудковой. Та сразу поняла, что смуглый, большеглазый, кудрявый мальчик не может носить русское имя, но тут же взяла его. Всего в приюте было 70 детей, среди них 13 евреев. Детям стригли волосы налысо – в том числе и для того, чтобы кудри не выдали их национальность. Во время облав еврейские дети сидели под лестницей в специально оборудованной для этого бельевой комнате.

Несколько месяцев мальчик не разговаривал. Гудкова каждый день рисковала своей жизнью – если бы фашисты узнали, что в приюте скрываются еврейские дети, убили бы не только их, но и её.

Спасать детей нужно было не только от фашистов, но и от голода. А он был жуткий! Сначала было очень тяжело – дети 1-1,5 лет умирали, те, кто постарше, как-то держались, но есть было совсем нечего. Цезик (тогда уже Вася) был хилым, больным – водянка живота, слабое сердце...

В детдоме он впервые почувствовал, что такое горе, когда умерла Любочка. Девочка была очень слабенькая – настолько, что не вставала с постели, и нянечки поручили Васе давать ей попить. Он дежурил возле неё очень ответственно, несмотря на то, что сам еле стоял на ногах – так привязался к ней. А однажды подошел к кровати, а девочки нет! „Где Любочка?” – „Нету...”, – сказала Нина Никитична. И ему показалось, что в нём что-то оборвалось...

Киевляне, узнав о бедственном положении детей, помогали кто чем мог, приносили какую-то крупу, но вскоре еды совсем не стало. Тогда Гудковой удалось как-то прорваться к жене бургомистра и с её помощью получить разрешение собирать объедки на свалке ресторана „Театральный”. Она договорилась с рабочими бойни, чтобы те приносили детям ведро с кровью и немного субпродуктов на дне. Несмотря на тяжёлую ситуацию, большинству детей удалось выжить.

Перед приближением Красной армии немцы стали зачищать Киев. В городе было 13 детдомов, и всех их обитателей, в том числе и приютских, выдворили за пределы столицы. Их посадили в теплушку, под обстрелами они добрались до Ворзеля и попали в Дом ребёнка. Там и встретили освобождение. Цезик запомнил, как он ночью стоял на кровати и наблюдал за трассирующими пулями. Ему шел седьмой год.

После освобождения Киева за детьми стали приходить родители, которым удалось выжить, или люди, потерявшие в войну своих детей. А Цезику не везло. Он был совсем худым и явно нездоровым, таких брать в приёмные семьи не хотели.

Но Цезик-Вася надеялся. Всех детей из его палаты уже забрали, он остался один. Однажды в очередной раз пристал к санитарке – когда меня уже заберут?! Та отмахнулась: „Завтра”. Весь следующий день прибегал к кабинету Нины Никитичны. Однажды посмотрел в замочную скважину, а там сидит бородатый представительный мужчина и женщина. И тут (ведь санитарка сказала!) он бросился в кабинет, подбежал к этому дядьке, схватил его за бороду и закричал: „Папочка, мамочка, это же я – ваш сын, заберите меня!”.

Этим крупным мужчиной оказался врач-хирург Василий Иванович Михайловский. Трёх его братьев сгноили в ГУЛАГе – они были из семьи священника. Он понял, что будет следующим, и тихо уехал из Киева. Устроился в маленькую больничку в Житомирской области, потом в другую, в третью. Пока в НКВД начинали им интересоваться, успевал перевестись, и за несколько лет сменил около десятка мест работы. Так оказался в селе Хмелевом Кировоградской области, где влюбился в еврейку-медсестру Берту Грановскую, которая была моложе его на 17 лет. Потом она все годы работы простояла с Василием Ивановичем за операционным столом и, обладая феноменальной памятью, узнавала пациентов мужа десятки лет спустя.

Поначалу мама невесты Песя Ароновна была категорически против брака дочери с неевреем. Но Василий Иванович не просто наладил с ней контакт – он для общения с тещей выучил идиш, вылечил её, когда та серьёзно заболела; она стала называть его сыном.

Война застала семью Михайловских в Кировограде, где Василий Иванович работал в больнице. Он в молодости перенес туберкулёз, который обострился после финской кампании, в которой Василий Иванович участвовал. Поэтому его не взяли в армию, и он с двумя еврейскими женщинами остался на оккупированной территории.

На что только ни приходилось идти ему ради спасения жены и её матери... Бывало, Берту положит в морг, тещу в тифозное отделение – туда, куда немцы не сунутся, потом переводит их в другое место. Однажды кто-то выдал, но добрые люди предупредили о приближении полицаев.

В доме квартировал немецкий врач. Однажды он пришёл с немецким офицером, изрядно выпившим после очередной казни евреев. Берты, по счастью, дома не было, а Песя Ароновна притихла в другой комнате. Офицер достал револьвер, приставил ко лбу доктора: „Юде?!” – „Найн, найн!” – закричал немец-врач. Когда они ушли, Василий Иванович зашёл к теще. Она посмотрела на него и спросила: „Васенька, где же ты так запачкался? У тебя на волосах мука”. А потом догадалась: „Сынок, ты же весь седой!”.

В конце концов, они едва ли не пешком добрались до Киева, где оставались жёны репрессированных братьев Василия Ивановича. При помощи друзей удалось сделать Берте новые документы на имя Веры Савельевны Михайловской.

В тот день супруги пришли в Дом ребёнка за девочкой, а ушли с Цезиком Кацем – Васей Фоминым, который теперь стал Василием Васильевичем Михайловским. Случайность? И да, и нет – Цезик был удивительно похож на Берту Савельевну, свою приёмную мать.

Новые родители выходили слабого и больного мальчика, дали ему хорошее образование. Василий Михайловский окончил школу с серебряной медалью и поступил в строительный институт.

Историю спасения и скитаний ему впоследствии рассказали няня и московские родственники, которые нашли его, приехав в Киев.

Своего старшего брата Вася впервые увидел в 22 года. Знакомые не переставали удивляться – родные братья, но один – Павел Петрович Кац, а другой – Василий Васильевич Михайловский...

Он не стал менять имя и фамилию: ведь человек, которого всю жизнь считает отцом, не только его вырастил – благодаря мужеству, выдержке и смекалке Василия Ивановича спаслись приёмная мама и бабушка Васи, ставшие ему по-настоящему родными.

Василий Васильевич Михайловский прожил долгую жизнь. Он работал на Кременчугской и Киевской ГЭС, в 1990-е возглавлял в Киеве проектно-конструкторское бюро.

Михайловский был одним из создателей Украинской организации „Зикарон Шоа” („Память Катастрофы”) и ответственным секретарём „Ассоциации евреев – бывших узников гетто и нацистских концлагерей”. Он активно занимался вопросами компенсаций украинским евреям; их получение через Клеймс Конференс – в том числе и его большая заслуга.

В начале сентября 2020 года Василий Васильевич Михайловский был награждён орденом „За заслуги” I степени». Он умер через неделю после получения высокой награды в возрасте восьмидесяти трёх лет.

Мемориальный комплекс истории Холокоста „Яд ва-Шем” признал няню Анастасию Фоминову, главврача приюта для малолетних Нину Гудкову и приёмного отца Василия Ивановича Михайловского Праведниками народов мира.

Михаил ГАУЗНЕР, Одесса.